

К ВОПРОСУ ОБ ОСВЕЩЕНИИ В АНТИЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ СОБЫТИЙ, ПРЕДШЕСТВОВАВШИХ ЗАГОВОРУ ПРОТИВ ЦЕЗАРЯ

Вопрос о событиях последних месяцев диктатуры Цезаря, о его планах и его гибели в результате заговора продолжает дебатироваться в исторической литературе до последнего времени². Часть историков (Э. Мейер, Э. Паис, Ж. Каркопино, Э. Холь) уделяют большое внимание планам Цезаря, намеревавшегося, по их мнению, принять царский титул и преобразовать римское государство в теократическую монархию эллинистического типа. Именно с этими планами и связывают они заговор против Цезаря и убийство последнего. Более осторожные исследователи (Т. Р.

¹ «Historia mundi», т. III, Bern, 1955, стр. 357.

² Об истории вопроса см. Н. F r i s c h, Cicero's fight for the Republic, Kobenhavn, 1946, стр. 32 сл. Ср. также E. H o h l, Das Angebot des Diadems an Cäsar, «Klio», 34 (N. F., 16), 1941.

Холмс, Ф.Э. Эдкок, Р. Сайм, Г. Фриш) скептически относятся к такого рода построениям. Эти историки отрицают целесообразность подобной постановки вопроса и считают правильным объяснять события, исходя из твердо установленных фактов и анализа реальной исторической обстановки, а не из зыбких, неизбежно субъективных предположений о «планах» Цезаря¹.

В основе этих противоположных точек зрения лежит различное отношение к источникам, т. е. в первую очередь к той традиции, с которой мы сталкиваемся в рассказах античных авторов². Одни историки следуют за тенденцией традиционного рассказа, другие отвергают ее. Так, Э. Мейер, например, пишет: «Эта простая связь, которая была совершенно ясной для древних историков: Ливия, Диона, Плутарха, Светония, почти полностью затемнена современными германскими историками»³. Представитель противоположного направления в современной историографии Р. Сайм, напротив, указывает на тенденциозность наших источников, относящихся, в основном, к более позднему времени и отразивших идеологическую и политическую борьбу в Риме как интересующего нас, так и более позднего времени.

При столь различном подходе историков к источникам представляется весьма целесообразным подвергнуть последние более детальному анализу с тем, чтобы установить характер и происхождение как сообщаемых ими конкретных сведений, так и освещения, даваемого ими событиям. Настоящая статья и представляет собою попытку такого разбора.

Знакомясь с рассказами античных историков о последних месяцах диктатуры Цезаря, нетрудно заметить, что все они строят свой рассказ по одной и той же схеме. Эта схема отчетливо видна, например, в эпитоме 116-й книги Тита Ливия: «Цезарь, вернувшись из Испании, отпраздновал пятый триумф. Сенатом были присуждены ему многочисленные и величайшие почести, среди которых были постановления, чтобы он назывался "отцом отечества," и "священным" (*sacrosanctus*) и пользовался диктатурой пожизненно. Между тем ряд событий послужил причиной возникновения ненависти против него; а именно то, что, сидя перед храмом Венеры Родительницы, он не встал перед сенатом, подносившим ему постановления об упомянутых почестях; что во время бегства луперков, он, сидя в кресле, отклонил диадему, возложенную на его голову консулом Марком Антонием, его коллегой, а также то, что народные трибуны Эпидий Марулл и Цезетий Флав, разжигавшие против него — как против стремившегося к царской власти — ненависть, были отрешены от должности. По этим причинам возник против него заговор... и т. д.». В этом кратком и небрежном изложении мы находим все элементы обычной схемы традиционного рассказа о последних месяцах диктатуры Цезаря: сообщается о почестях, оказанных Цезарю после возвращения из Испании, о некоторых событиях, предшествовавших заговору (три события, упомянутые в эпитоме, находятся в центре внимания всех античных историков), и, наконец, о самом заговоре. О композиционном единстве этого рассказа достаточно наглядно

¹ См. T. R. Holmes, *The Roman Republic and the founder of the Empire*, т. III, Oxford, 1923, стр. 335 сл.; САН, т. IX, стр. 736 сл.; R. Syme, *Roman Revolution*, Oxford, 1939, стр. 53.

² Недавно была сделана попытка привлечь нумизматический материал к решению вопроса о планах Цезаря и причинах его гибели (A. Alföldi, *Studien über Caesars Monarchie*, Lund, 1953; K. Kraft, *Der Goldene Kranz Caesars und der Kampf um die Entlarvung des Tyrannen*, 1955). Авторы обеих, к сожалению оставшихся мне недоступными, работ присоединяются к историкам, считающим, что Цезарь стремился к царской власти. Однако, как указывает в своей рецензии Р. А. С. Сэрсон («Gnomon», т. 28, вып. 3, 1956, стр. 181—186), выводы авторов не могут считаться окончательными (ср. A. Heuss, *Der Untergang d. röm. Republik*, — «Historische Zeitschrift», т. 182, 1956, стр. 28). Таким образом появление этих работ не снимает необходимости дальнейшего изучения литературных источников.

³ E. Meyer, *Caesars Monarchie und das Principat des Pompeius*, 2. Aufl., Stuttgart — Berlin, 1919, стр. 532.

свидетельствует тот факт, что по той же схеме построен и экскурс Николая Дамаского (в биографии Августа), специально, как подчеркивает сам автор, посвященный вопросу о заговоре против Цезаря, хотя те же события получают у Николая своеобразное освещение (см. ниже).

Принцип подбора фактов, вошедших в традиционный рассказ, понять нетрудно. В рассказ этот включены факты, которые могли подтвердить содержащееся во всех наших источниках (иногда высказываемое самим автором, иногда приписываемое лишь «врагам Цезаря») утверждение о стремлении Цезаря к царской власти и царскому титулу. Так, у всех наших авторов мы находим рассказы о непочтительности, проявленной Цезарем по отношению к сенату, о смещении Цезарем народных трибунов Г. Элидия Марулла и Л. Цезетия Флава, которые пытались лишь оградить Цезаря от опасных для него самого царских почестей, наконец, об инциденте на луперкалиях в 44 г. до н. э., когда Цезарю от имени народа консулом Антонием была поднесена диадема (знак царского достоинства). К этим трем основным фактам некоторые авторы добавляют и другие подобного же характера¹. Многочисленные, часто фразеологические, совпадения у наших авторов с несомненностью свидетельствуют о единстве традиции.

Термины «царь», «царская власть» имели в Риме особый, специфический смысл. Они, как замечает Р. Сайм, «принадлежали к словарю римской политической инвективы и были приложимы равным образом как к господству Суллы, так и к произвольным действиям Цидерона во время его консулата»². Выдвинутое против кого-нибудь обвинение в стремлении к царской власти могло служить достаточным основанием для физического уничтожения политического противника³. Достаточно вспомнить историю гибели Тиберия Гракха⁴. Именно с этой точки зрения вопрос о стремлении Цезаря к царской власти интересуют и наших авторов. См., например, Plut., Caes., 60: «Стремление Цезаря к царской власти более всего возбуждало явную ненависть против него и стремление его убить. Для народа (οἱ πολλοί) в этом была главная вина Цезаря, для тайных же недоброжелателей это давно уже стало благовидным предлогом вражды к нему».

Естественное предположение, что подобная тенденция должна восходить к политической агитации противников Цезаря, находит подтверждение в переписке Цидерона. Мы можем заметить, что и при жизни Цезаря в кругах, близких к Цидерону, не только имели хождение словечки «rex», «regnum» (см., например, Fam., IX, 19, 1; VI, 19, 2; Att., II, 13, 2; IX, 10, 7; XIII, 37, 2), но и вспоминались легендарные имена Брута и Агалы (Att., II, 24, 3; XIII, 40, 1)⁵.

¹ Например, рассказ о задуманном будто бы Цезарем перенесении столицы из Рима на Восток (S u e t., Iul., 79; N i c. D a m., V. C., XX, 68) или находимый нами у многих авторов рассказ, что выполнение заговорщиками своего замысла было ускорено распространением слухов о предстоящем перед парфянской войной принятии Цезарем царского титула в связи с исходом от жреческой коллегии квиденцевиров предсказанием, что парфян сможет победить только царь (S u e t., Iul., 79; A p p., V. C., 110; C a s s. D i o, XLIV, 15).

² R. S y m e, Roman Revolution, стр. 55.

³ См. T. M o m m s e n, Römische Strafrecht, B., 1955, стр. 551.

⁴ См., например, P l u t., Ti. Gr. 19; Аппиан ничего не сообщает о подобном обвинении, выдвинутом против Тиберия Гракха его противниками, но косвенное указание на это можно видеть в сообщении, что Тиберий был убит «у статуй царей» (A p p., V. C., I, 16).

⁵ Письма эти относятся не только ко времени гражданской войны, но некоторые даже ко времени Первого триумvirата (Att., II, 13; II, 24). Особую острогу, которую получили в 44 г. слухи о стремлении Цезаря к царской власти, следует, по-видимому, объяснять скорее окончательной победой Цезаря в гражданской войне, чем какими-то принципиально новыми моментами в политике Цезаря.

Рассказ о вышеперечисленных «царских и почти тиранских» поступках, «противных обычаю римской свободы»¹, нередко сопровождается комментариями, возлагающими на самого Цезаря вину за последствия. Вот какие замечания делают, например, наши авторы по поводу смещения Цезарем трибунов. С в е т о н и й: «С этих пор он уже ничем не мог снять с себя нареkanie даже в стремлении к царскому титулу...» (Iul., 79). А п п и а н: «Этот поступок возбудил против него наиболее сильные подозрения в том, что он стремится к этому титулу и предпринимает к этому попытки и что он стал вообще тираном» (В. С., II, 108). К а с с и й Д и о н: «Вскоре после этого [т. е. после смещения трибунов] произошел и другой случай, еще более изобличавший его в том, что он на словах отвергал этот [т. е. царский] титул, на деле же стремился получить его» (XLIV, 11)². Таким образом, можно видеть, что и «собственные» высказывания наших авторов переходят от писателя к писателю и являются неотъемлемой принадлежностью традиционного рассказа.

Чрезвычайно важно отметить еще одну характерную черту традиционного рассказа о заговоре: большое внимание, обращаемое нашими авторами на роль «народа» в событиях, стремление связать деятельность заговорщиков с оппозиционными настроениями среди «народа». Так, Плутарх и Кассий Дион подчеркивают, что не только сенат, но и народ был сильно задет поступком Цезаря, не вставшего перед сенатом (Plut., Caes. 60; ср. Cass. Dio, XLIV, 8). Повествуя об инциденте на луперкалиях, Плутарх и Аппиан большое внимание уделяют реакции толпы зрителей и говорят о неодобрении действий Антония большей частью толпы и о радости после отклонения Цезарем диадемы; (см. Plut., Ant., 12; Caes., 61; App., В. С. II, 109). Рассказывая о деятельности Маруллы и Цезетия, Плутарх подчеркивает, что они пользовались поддержкой «народа» (ὁ δῆμος) (Caes., 61).

У наших авторов мы находим и достаточно прозрачные намеки на корни этого недовольства народа Цезарем. Плутарх связывает это недовольство с монархическими устремлениями последнего, ставившими под угрозу политическое значение народа, который, как известно, по римским понятиям, наряду с сенатом считался одним из двух столпов государства. См., например, Plut., Caes. 60: «И это вызвало недовольство не только в сенате, но и в народе, так как считали, что в лице сената Цезарь нанес оскорбление государству». Ср. там же, 61: «Народ же, рукоплеща, следовал за трибунами и называл их „брутами“, потому, что Брут отменил наследственное царское достоинство и передал власть от монархии сенату и народу (εἰς βουλὴν καὶ δῆμον)» (Caes., 61).

Все это позволяет нашим авторам изобразить заговорщиков выразителями чаяний римского народа. С в е т о н и й: «Уже и народ (populus) не радовался существующему положению, но явно и тайно порицал единовластие и мечтал об освободителях» (Iul., 80). П л у т а р х: «Поэтому народ обращает свои взоры к Марку Бруту» (Caes., 62). А п п и а н: «...Будучи потомком Брута, изгнавшего в древности царей, он (Марк Брут) больше всех был подстрекаем и возбуждаем к этому со стороны народа (ὅπο τοῦ δήμου)» (В. С., II, 112). К а с с и й Д и о н: «...народ, воображавший что Брута, будто бы принадлежавшего к тому же роду [что и Брут Древний], можно будет подвигнуть на подобные деяния» (XLIV, 12).

Как понимать термин «народ» у наших авторов? Вкладывали ли они в него какое-то конкретное содержание? Мне кажется, что ключ к этому следует искать не в особенностях употребления этого слова у каждого из них, а в той записи в фастах, которая была сделана по приказанию Цезаря после известной политической инспекции на луперкалиях и сохранена для нас Цицероном и Кассием Дионом: «На луперкалиях Г. Цезарю, пожизненному диктатору, консул М. Антоний по веле-

¹ Выражения Евтропия (E u t r., VI, 25).

² У Аппиана и Диона мы находим также рассуждения о несправедливости действий Цезаря по отношению к трибунам, «боровавшимся против наименования Цезаря царем» (A p p., В. С., II, 108).

нию народа предлагал царскую власть, Цезарь же не захотел принять ее...»¹.

Запись эта, какова бы ни была основная цель организаторов этой инсценировки², по-видимому, должна была подчеркнуть и отразить в официальном документе «связь» цезарианского режима с «народом», роль которого в разыгранном спектакле и исполнила уличная толпа, часть которой, несомненно, была соответственно подготовлена заранее. Ясно, что в «народе» этой официальной записи нельзя видеть определенную социальную группу, но лишь «народ» двучленной формулы «*senatus populusque Romanus*», политическую фикцию, лишенную конкретного содержания. Так использовался термин «народ» официальной политической идеологией цезарианцев, из которой он, по-видимому, и перешел в полемизирующий с цезарианской версией традиционный рассказ о заговоре против Цезаря.

Особое внимание, уделяемое нашими авторами роли «народа» в событиях, также следует связывать с идеологией последних республиканцев. Чтобы убедиться в этом, обратимся снова к переписке Цицерона. Очень интересны в этом отношении письма Цицерона к Дециму Бруту, относящиеся ко времени Мутинской войны. Так, в одном из них мы читаем: «Все же, по-видимому, следует кратко отметить одно: римский народ ждет от тебя всего и возлагает на тебя всю надежду на восстановление свободы в будущем (*populum Romanum omnia a te expectare atque in te aliquando recuperandae libertatis omnem spem ponere*). Если ты будешь помнить днем и ночью... какое великое деяние ты совершил, то ты, конечно, не забудешь, какие великие дела тебе и теперь следует совершить... Поэтому заклинаю тебя теми же мольбами, что сенат и римский народ,— навсегда освободить государство от господства царей, чтобы конец соответствовал началу (*ut in perpetuum rem publicam dominatu regio liberas, ut principii consentiant exitus*)» (Fam., XI, 5,2). Таким образом, Цицерон, рассматривая войну с Антонием как непосредственное продолжение дела заговорщиков, изображает заговор как исполнение чаяний римского народа³. Это, по существу, та же оценка заговора, с которой мы сталкиваемся в традиционном рассказе.

Упомянув во второй филиппике о пресловутом инциденте на луперкалиях, Цицерон точно так же, как и наши авторы, подчеркивает, что происходившая инсценировка вызвала бурную реакцию со стороны народа: «Ты [Антоний] возложил диадему при стенаниях народа (*populus*), он [Цезарь] отверг при рукоплесканиях» (Cic., Phil. II, 85). По словам Цицерона, стон прошел по всему форуму (*gemitus toto foro*), когда Антоний протянул диадему Цезарю (там же)⁴. Как и наши авторы, Цицерон подчеркивает роковую для Цезаря роль этого события (Phil., XIII, 41: *Tu, tu, inquam, illum occidisti Lupercalibus*). Замечание Цицерона: «Что может быть постыднее: жив тот, кто возложил диадему, тогда как все признают, что справедливо убит (*omnes fateantur iure interfectum esse*) тот, кто ее отверг» (Phil. II, 86),—перекликается с цитированными уже словами Светония о Цезаре «*et iure occisus existimetur*» (Jul., 76).

¹ Cic., Phil., II, 87: *At etiam adscribi iussit in fastis ad Lupercalia G. Caesari dictatori perpetuo M. Antonium consullem populi iussu regnum detulisse; Caesarem uti noluisse*. Ср. Cass. Dio, XLIV, II:... *ἐς τὰ ὑπομνήματα ἐγγράφῃν ἐποίησεν ὅτι τὴν βασιλείαν παρὰ τοῦ δῆμου διὰ τοῦ ὑπάρχοντος δεδομένου οἱ οὐκ ἐδέξατο*.

² Э. Холь, ук. соч., стр. 209, считает, что Цезарь действительно хотел принять царский титул и только реакция толпы заставила его отказаться от этого намерения. Более правдоподобным, однако, представляется предположение Р. Сайма, что Цезарь надеялся таким путем прекратить дальнейшее распространение слухов о его стремлении к царскому титулу (*Roman Revolution*, стр. 55). Подробное рассмотрение данного вопроса вывело бы нас за пределы темы настоящей статьи.

³ Ср. Cic. Fam., 7, 2, где Цицерон говорит о деле сохранения свободы и благополучия римского народа (*in libertate et salute populi Romani conservanda*); там же, 8, 1: «Ведь удивительно уважение к твоему имени, а любовь к тебе со стороны всех граждан исключительна; они надеются и уверены, что, как ранее от царя, так ныне от царской власти освободишь ты государство».

⁴ Cic., Phil., XIII, 31: «*gementem populum Romanum*».

Таким образом, мы видим, что тенденция традиционного рассказа о заговоре против Цезаря находит ряд параллелей в произведениях Цицерона, относящихся, главным образом, ко времени Мутинской войны и связанных с общим направлением его политической и литературной деятельности тех дней. Цицерон в филиппиках и письмах к Дециму Бруту, Мунацию Планку, Кассию старается изобразить Мутинскую войну как борьбу всей Италии против «тирана» Антония, за «освобождение» республики. В цитированных уже письмах к Дециму Бруту эта борьба связывается Цицероном со всем делом заговорщиков. Цицерон постоянно подчеркивает в своих выступлениях этого времени «единодушие» всех сословий Италии и особенно «народа» в этой борьбе¹. В переписке Цицерона с друзьями мы встречаем, однако, и откровенные признания, показывающие, насколько далека была от действительности эта тенденциозная картина², порожденная той политической тактикой³, которой пользовался в это время в своей деятельности сам Цицерон. Особенно интересно проникнутое глубоким пессимизмом письмо к Аттику от начала декабря 44 г. (т. е. написанное за несколько дней до прибытия Цицерона в Рим и начала его бурной деятельности по «спасению республики»). Заметим, что особую тревогу вызывает у Цицерона именно проникнутое цезарианскими тенденциями выступление Октавиана перед народом (*conspicio* — см. *Att.*, XVI, 15, 3—5). Интересно отметить также, что после сражения при Мутине Цицерон, выступая на народной сходке, из двух писем, полученных сенатом, — от консула Пансы и от Октавиана — прочел только второе (см. *App.*, В. С., III, 74). По-видимому, Цицерон достаточно хорошо понимал разницу между римским городским плебсом с его реальными интересами и симпатиями и мифическим «римским народом» своих официальных выступлений.

Сопоставление традиционного рассказа о заговоре против Цезаря с цитированными выше высказываниями Цицерона показывает, таким образом, что тенденция традиционного рассказа восходит, по-видимому, к идеологической борьбе времени последовавших за смертью Цезаря гражданских войн и отражает политические лозунги последних республиканцев. Как показывает эпитома 106-й книги Тита Ливия, при Августе эта традиция уже утвердилась в историографии⁴.

Политическая направленность закрепившегося в традиции рассказа о заговоре против Цезаря отмечена уже Светонием, который, не разбивая композиции традиционного рассказа, включил его целиком в ту часть своего повествования, которая вводится словами: «Однако все эти качества перевешиваются другими его словами и делами,

¹ См., например, *Phil.*, VII, 20: «Таковы у нас консулы, таков энтузиазм (*alacritas*) римского народа, таково единодушие всей Италии (*consensus Italiae*), такие полководцы, такое войско, что никакое несчастье не может постигнуть республику, разве что по вине сената». Ср. также *Fam.*, X, 5,3; там же, XII, 4, 1: «но нет ничего храбрее, ничего лучше народа и всей Италии»; XII, 5,3: «но в римском народе и во всей Италии единодушие удивительное»; XII, 7,1: («Я сказал о тебе [Г. Кассий], что мог... при таких возгласах одобрения народа, что я никогда не видел ничего подобного»).

² Уже в одной из филиппик Цицерона проскальзывает весьма характерная фраза: «Когда я говорю „все“, я исключаю тех, кого никто не считает достойным гражданства» (*Phil.*, VIII, 8).

³ См. *App.*, В. С., III, 66: «В Риме в отсутствие консулов Цицерон действовал при помощи демагогии. Народные собрания следовали одно за другим».

⁴ Официальная идеология августовской эпохи с ее противопоставлением принципата диктатуре (ср. *RGDA*, 5—6; *Suet.*, *Aug.*, 52; *Tac.*, *Ann.*, I, 9. Интересно отметить, что у Тацита государственному строю, установленному Августом, противопоставляется не только диктатура, но наряду с ней и царская власть: *non regno tamen neque dictatura, sed principis nomine constitutam rem publicam*, несомненно, оказала, как отметил Р. Сайм (*Roman Revolution*, стр. 53), известное влияние на оформление этой традиции. Вместе с тем следует отметить, что именно у близких к официальным кругам историков начала I в. до н. э. (Николай Дамасский, Веллей Патеркул) мы находим наиболее последовательные попытки преодоления тенденции традиционного рассказа.

и потому господствует взгляд, что он злоупотребил своей властью и был убит справедливо» (Iul., 76: *praegravatum tamen caetera facta dictaque eius, ut et abusus dominatione et iure occisus existimetur*).

Итак, у наших авторов мы сталкиваемся не со случайно попавшими в рассказ фактами, но с сугубо тенденциозной подборкой, которая имела вполне определенную цель: убедить читателя в том, что Цезарь не только сам был виноват в своей гибели, но и был убит справедливо (*iure occisus*). Невозможно себе представить, конечно, чтобы такая традиция безраздельно господствовала в историографии императорского времени и не вызывала попыток борьбы против себя. Следы полемики с первоначальной тенденцией традиции мы находим в произведениях большинства (если не всех) дошедших до нас авторов. Интересно проследить те линии, по которым шла эта полемика.

Уже Николай Дамасский не просто следует традиционной, по-видимому, уже для его времени, схеме рассказа, но весьма активно пытается преодолеть связанную с ней тенденцию.

В своей биографии Августа Николай, как было сказано выше, делает очень большой экскурс (XIX, 58—XXVII, 106), посвященный событиям, связанным с гибелью Цезаря. Экскурс вводится словами: «Отсюда начинается рассказ, посвященный исследованию того, каким образом убийцы составили свой заговор против Цезаря и как они привели в исполнение весь свой план, а также последовавших за этим при всеобщем замешательстве событий. Итак, я расскажу сначала, каким образом этот заговор зарождался (*καθ' ὃ τι ἐγένετο καὶ ὅπως*), а затем о причинах, вследствие которых он, возникнув, привел к таким последствиям» (Nic. Dam., V. C., XIX, 58). Хотя Николай и подчеркивает органическую связь этого экскурса с основной линией повествования, тем не менее размеры этого экскурса и подробность его изложения заставляют предполагать за ним и самостоятельное значение. Внимание, уделенное Николаем вопросу о заговоре и его причинах, следует, возможно, объяснять задачей борьбы с укрепившейся уже в римской историографии республиканской тенденцией.

Как построен рассказ Николая о составлении заговора против Цезаря? Сначала Николай говорит о числе заговорщиков и различных причинах, побудивших каждого из них к участию в этом деле. Далее он переходит к подробному изложению событий, связываемых традицией с заговором. После этого он характеризует заговор как дело, направленное «на всеобщую гибель», и перечисляет все заслуги Цезаря. Затем он рассказывает о конкретных планах убийства и самом убийстве. Таким образом, событиям, предшествовавшим заговору, Николай отводит не меньшую роль, чем другие авторы и, точно также непосредственно связывая их с подготовкой заговора¹, не пытается противопоставить им какой-нибудь новый фактический материал. Самый рассказ Николая также нередко до частных совпадает с обычным традиционным изложением событий в том, что касается чисто фактической их стороны².

По каким же линиям идет полемика Николая с тенденцией традиции? а) Николай изображает заговор как дело людей, недовольных Цезарем по разного рода личным мотивам и лишь прикрывавших свое личное раздражение политическими аргументами³. б) Николай старается снять с Цезаря ответственность за те инциденты, ко-

¹ См. Nic. Dam., V. C., XX, 68: «И еще одно событие вот какого рода особенно возбудило восставших против Цезаря» (о деле трибунов); XXI, 75: «Среди прочих и это дело не в меньшей степени побудило заговорщиков к поспешности, предоставив им еще более очевидное подтверждение подозрений, которые у них были» (об инциденте на луперкалиях); XXII, 78: «После этого имело место и еще одно событие, сильно возбудившее заговорщиков» (об инциденте с сенатом).

² См. F. Jacoby, Fr. Gr. Hist., II C, B., 1926, стр. 275.

³ См. Nic. Dam., V. C., XIX, 60: «...Скрывая свое раздражение, они придумали для себя благовидный предлог, будто они недовольны властью одного человека и стремятся к политическому строю, основанному на равноправии».

торые обычно привлекаются античными авторами для объяснения причин заговора. Для этого Николай стремится по возможности изобразить эти события как простые случайности¹. Вместе с тем он обвиняет «некоторых», в том, что они «со злым умыслом принимали постановления о преувеличенных почестях и всем объявляли о них, чтобы возбудить к, нему [к, Цезарю] ненависть и тяжкие подозрения» (XX, 67). Николай не останавливается перед утверждением, что Цезарь легко попался на эту удочку, «будучи простодушен по характеру и неопытен в политических делах из-за походов, требовавших его отлучки из отечества» (там же). При изложении конкретных событий Николай пользуется этим приемом весьма осторожно, но настойчиво. Так, рассказывая о деятельности трибунов Маруллы и Цезетия он подробно излагает обвинение, выдвинутое против них Цезарем, утверждавшим, по Николаю, что они «сами тайно возложили диадему» с самыми злостными намерениями (XX, 69). Николай подчеркивает, что во время инцидента на луперкалиях при Цезаре находились заговорщики Кассий Лонгин и Публий Каска, а первый даже принял участие в происходящем, подняв диадему, положенную неким Лицинием у ног Цезаря, и положив ее последнему на колени (XXI, 72)². Озлобление против Цезаря, вызванное поведением Цезаря, не вставшего перед сенатом, Николай также приписывает деятельности заговорщиков, усиливших своей агитацией порожденное поступком Цезаря недовольство (XXII, 79). в) Особый интерес для нас представляет отмеченное еще Якоби как основное отклонение Николая от традиции³ — совершенно иное изображение отношения «народа» к событиям, совпадающее с официальной цезарианской версией записи в фастах. Еще в начале своего экскурса Николай утверждает, что Цезарь «стал предметом почитания толпы (τοῖς μὲν πολλοῖς ἐθαυμάζετο); для людей же значительных и помогающих власти он стал ненавистным» (XIX, 64). Эту сформулированную им в общей форме мысль Николай удорно проводит и при изложении фактов. И в рассказе об изгнании трибунов и в рассказе об инциденте на луперкалиях он подробно говорит об изъявлениях преданности Цезарю со стороны «народа». Так, говоря (в соответствии с традицией) об аплодисментах, которыми было встречено отклонение диадемы Цезарем, Николай приписывает эти аплодисменты лишь каким-то «стоявшим с краю» (οἱ τελευταῖοι), стоявшие же вблизи (οἱ πλησίον), по его утверждению, «закричали, чтобы он принял и не отвергал дар народа (τοῦ δήμου χάριν» (XXI, 72). Далее Николай «беспристрастно» рассказывает о различных слухах, ходивших среди толпы, но затем вновь подчеркивает, что когда Антоний возложил диадему второй раз, «народ закричал на своем языке: Да здравствует царь! (χαῖρε βασιλεῦ)» (там же, 73). Стоит отметить, что даже говоря о недовольстве, которое было вызвано отстранением народа от назначения на должности, Николай приписывает это недовольство не самому народу, а лишь магистратам (οἱ ἐν τέλει. XX, 67).

Очень интересен с этой точки зрения рассказ Николая об изгнании трибунов. Выше уже упоминалось, что Николай вкладывает в уста Цезарю целую небольшую речь с обвинением против трибунов, где говорится, что содеянное ими является частью более значительного их замысла и заговора: они ищут какой-нибудь возможности, оклеветав его перед народом (εἰς το πλῆθος αἰθὼν διαβαλόντες) как противозаконно помогающего власти (δυναστεία), в то время как они сами стремятся к перевороту — убить (XX, 69). Мнимый, по-видимому, заговор трибунов изображен Николаем как прототип будущего заговора Брута и Кассия с тем, чтобы разоблачить на этом примере политическую тактику последних и опровергнуть апологетическую

¹ См. там же, XXII, 79, где рассказывается, что Цезарь не встал перед сенатом, так как был «занят беседой со стоящими сбоку» и ничего не замечал, пока «кто-то из стоявших поблизости друзей не сказал ему: «Взгляни на приближающихся с противоположной стороны».

² Эту подробность Ф. Якоби считает выдумкой Николая (ук. соч., стр. 276). Э. Мейер видит в этом «явную клевету» на Кассия (Caesars Monarchie, стр. 528, прим. 2).

³ F. J a s o b y, ук. соч., стр. 275—276.

версию традиции¹. Николай, однако, не удовлетворяется этим и заключает рассказ об изгнании трибунов дополнительным эпизодом, картиной бурного изъяснения народом своих чувств к Цезарю: «Народ (ὁ δῆμος) же закричал, что он царь и должен быть увенчан без дальнейшего промедления, раз и сама судьба его увенчала...» и т. д. (XX, 70)².

Таким образом, Николай, следуя за традицией в подборе фактов, но давая им другое освещение, пытается представить заговор в ином свете, доказать, в соответствии с цезарианской официальной версией, что не заговорщики, а Цезарь был связан с народом. Эта линия полемики с тенденцией традиционного рассказа не получила развития у более поздних авторов. Очевидно, вопрос о позиции народа, чрезвычайно важный для современников и историков, писавших «по свежим следам», впоследствии утратил в значительной степени свою актуальность.

Веллей Патеркул в своем изложении не связан в такой степени традиционной схемой рассказа о заговоре. Однако и у него мы находим утверждение, что, предложив Цезарю на луперкалиях диадему, Антоний возбудил к нему «сильную ненависть» (*magnam invidiam*. — I, 56, 4). Впрочем, рассказ Веллея слишком краток, чтобы делать на его основании далеко идущие выводы.

Большинство же наших авторов оказывается не в силах преодолеть тенденцию традиционного рассказа. Ярче всего это видно на примере Диона Кассия. Дион, предпосылающий своему рассказу общее рассуждение о преимуществе монархии перед «демократией» (т. е. республикой) и резко осуждающий дело заговорщиков (XLIV, 3), прямо говорит о своем намерении показать причины гибели Цезаря. «Ведь не без всякой причины (ὁ... ἀναίτιον πίνυτι), — поясняет Дион, — он [Цезарь] навлек на себя ненависть» (XLIV, 3). Каким же образом пытается Дион согласовать традиционный рассказ о заговоре со своей монархической тенденцией? Основную роль в возникновении «ненависти» против Цезаря Дион приписывает чрезмерным почестям. Большую роль в этом Дион, как и Николай, отводит людям, которые «делали это из желания как можно скорее возбудить к нему ненависть и справедливое негодование (ἐς τε τὸ ἐπίφθονον καὶ ἐς τὸ νεμεσητὸν προύχειν αὐτὸν), чтобы он скорее погиб» (XLIV, 7). Именно эти почести, по Диону, и погубили Цезаря. Таким образом, подобно Николаю, Дион стремится возлагаемую республиканской традицией на самого Цезаря вину за все случившееся переложить на других, в первую очередь на «злоумышлявших против него». Какую-то долю вины нес на себе и Цезарь (ἐστὶ μὲν γάρ ὁ, τι καὶ ὁ Καίσαρ ἤμαρτε), принимавший некоторые из присужденных ему почестей и уверовавший, что он действительно заслуживает их, «...но основную — те, которые, начав его почитать, как будто по достоинству, своими постановлениями навлекли на него обвинение (προὔγαγον ἐς αἰτίαν οἷς ἐψήφισον). Ибо он не осмеливался отвергнуть все это, чтобы не прослыть высокомерным, а с другой стороны, принимая [эти почести], он не мог оставаться в безопасности» (XLIV, 3).

Таким образом Дион, уступая господствующей традиции, вынужден был все же заметить, что и Цезарь нес на себе долю вины. Дион, стараясь оправдать Цезаря, объясняет это тем, что «избыток почестей и похвал заставляет каким-то образом зазнаваться (ὑπερότερος... ποιεῖ) даже самых разумных людей, в особенности, если они считают, что эти почести оказываются искренне (ἀληθῶς)» (там же).

Как и Николай, Дион пытается объяснить некоторые инциденты случайными причинами. Так, Цезарь не встал перед сенатом «то ли по какому-то помрачению сознания, то ли от чрезмерной радости» (XLIV, 8). Однако при изложении Дионом фактов знакомая нам тенденция традиционного рассказа выступает совершенно

¹ Впрочем, в деятельности Марулла и Цезетия, по-видимому, действительно нашли какое-то отражение настроения республикански и антицезариански настроенных кругов.

² Ф. Якоби, вероятно, прав, видя в этом дополнительном эпизоде дублирование рассказа о луперкалиях (ук. соч., стр. 275).

отчетливо. Об этом достаточно убедительно свидетельствуют те примеры, которые приведены в начале настоящей статьи. Интересно сопоставить утверждение Диона, что смещенные Цезарем трибуны не говорили «ничего оскорбительного» (*μητὰ τι ὑβριστικόν*) для него (XLIV, 9), с тем обвинением, которое, по Николаю, выдвинуто против них Цезарь, — что их целью было «открыто посрамить его» (*ἕως ἴν ἐν φανερόν αὐτὸν ὑβρίσειαν* — Nic. Dam., V. C., XX, 69). В отличие от Николая, Дион не делает попытки изобразить настроение «народа» как, в основном, процезарианское. Итак, принимая по существу традиционный рассказ о заговоре, Дион пытается бороться с его тенденцией, снимая с Цезаря вину за его ошибки и возлагая ее на тех, которые его «избытком почестей сами сделали высокомерным» (XLIV, 8).

Отголоски подобных попыток переосмыслить традиционный рассказ, ослабить антицезарианское звучание его тенденции мы находим и у других авторов¹; ср. например, Plut. Brut., 9: «Виношны же в этом были льстецы Цезаря, изобретавшие для него различные почести, вызывавшие ненависть. Они возлагали ночью диадемы на его ступни, как бы склоняя народ (*τοὺς πολλοὺς*) называть его „царем“, а не „диктатором“», или App., V. C., II, 108, где говорится о каких-то людях, «особенно поддерживавших слух о возжелении Цезаря быть царем».

И при изложении конкретных фактов наши авторы прибегают иногда к подобным приемам; см. Plut., Caes. 60: «Он [Цезарь] хотел, что и естественно, встать перед сенатом, но его удержал один из друзей или вернее льстецов — Корнелий Бальб, который сказал: „Разве ты не помнишь, что ты Цезарь? Неужели ты не погребуешь, чтобы тебе оказывали почитание, как стоящему выше их“»². Таким образом, мы видим, что некоторые цезарианские «поправки» к традиции сами становились традиционными и переходили от автора к автору³.

Итак, мы видим, что изложение античными историками событий последних месяцев жизни Цезаря, независимо от общих взглядов того или иного автора и общей направленности того или иного произведения, в своей основе имеет тенденциозную подборку фактов, целью которой является оправдать заговор против Цезаря, изобразив заговорщиков выразителями чаяний народа. Этим и должен определяться подход к нашим источникам. Используя содержащийся в них фактический материал, мы должны быть очень осторожны в отношении общей концепции традиционного рассказа.

* * *

Данные наших источников об определенных проявлениях недовольства Цезарем среди плебса отвергать, конечно, нельзя. Но оппозиционные настроения народных масс имели совершенно иное происхождение и характер, чем политические взгляды заговорщиков. Для правильного понимания настроений плебса очень важны отдельные отрывочные данные о деятельности лже-Мария в 45 г. до н. э. (Cic., Att., XII, 49;

¹ Эту тенденцию в «официальной историографии приверженцев Цезаря» отмечает Э. Мейер (ук. соч., стр. 517, прим. 4).

² Ср. S u e t., Iul., 78: «Некоторые полагают, что он сделал движение, чтобы встать, но его будто бы удержал Корнелий Бальб; другие же считают, что он вовсе и не пытался встать и, напротив, не очень ласково взглянул на Гая Требация, который посоветовал ему подняться с места». Усилия наших авторов придумать благовидное объяснение для злополучного инцидента с сенатом зачастую весьма курьезны. Так, Дион сообщает, что существует мнение (сам он не согласен с ним), будто Цезарь не поднялся с места из-за расстройства желудка (см. D i o C a s s., XLIV, 8).

³ Интересно отметить, что эта тенденция, возлагающая на противников Цезаря вину за провокационные почести, заставлявшие подозревать его в стремлении к царской власти, несмотря на явные передержки и наивные приемы некоторых авторов, видимо, имеет реальную историческую основу. От кого бы ни исходили эти пресловутые почести, они получали определенное толкование в оппозиционных кругах и давали обильную пищу для всякого рода опасных для Цезаря слухов.

Nic. Dam., V. C., XIV, 32—33; Val. Max., IX, 15,1). Как мы знаем, лже-Марию в это время удалось добиться большой — не ограничивавшейся Римом — популярности, демонстрацию которой он устроил после возвращения Цезаря из Испании (Val. Max., IX, 15,1). Немедленно после этого лже-Марий был выслан Цезарем из Рима, где появился вновь лишь после его смерти. Несмотря на то, что о политической программе лже-Мария (если таковая вообще была) у нас нет никаких определенных данных, все же тот факт, что своей популярностью Марий был обязан именно своему имени, достаточно красноречив¹. Существовавшее среди плебса недовольство Цезарем, по-видимому, и было в значительной степени вызвано тем, что он не оправдал надежд, возлагавшихся на него как на вождя популяров, как на преемника политических традиций Гая Мария.

В. М. Смирин

¹ См. N i c. D a m., V. C., XIV, 32: «Велик был энтузиазм окружавших его граждан, убежденных, что он — сын Мария».